

„Бѣль“ — белка упомянута в Слове в следующем отрывке: „А князи сами на себе крамолу коваху; а погании (т. е. половцы) сами побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣль отъ двора“. Белка, как об этом свидетельствуют древние источники и стенопись Софии в Киеве, была объектом промысловой охоты с собакой типа современной лайки. Добыча белки была массовой, и дань платили преимущественно беличьими шкурками: „Козари имаху на Полянехъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху по бѣльи вѣвериць отъ дыма“ (Повесть временных лет, под 859 г.). „Бѣльи вѣвериць“ иногда читали как два равнозначущие слова: „по бѣль и вѣвериць“, вследствие чего получилось повторение двух названий одного и того же предмета, тогда как в данном случае мы имеем лишь определение „бѣльи“ к названию „вѣверица“, зимний мех которой только и имеет ценность; поэтому и в древности лишь он шел на уплату дани и для других расчетов. Рыжий летний непрочный мех не имел ценности. Определение-прилагательное „белый“ в конце концов заменило существительное, и старое славянское название вевериця, векша (укр. вивірка, польск. wiewiórka) исчезло, уступив имени белка. В более поздние времена промысловая охота на белку пришла в упадок. Фрагмент изображения такой охоты сохранился на стенописи Софии киевской. В Киевской Руси бѣль или белка была мелкой денежной единицей. А. Югов искажил Слово, переведя „бѣль“ — „горностаи“ (стр. 146—147), хотя в подкрепление своего толкования и привел довольно большую литературу. Автор Слова прекрасно знал зверей и приводил их под точными, сохранившимися до наших дней названиями. Горностаи он упомянул именно под этим названием. Добыча горностаи, принимая во внимание его узкую локализацию в природе, не могла быть массовой, и когда Владимир I приказал платить церкви „десятая“ векша от князя суда, то это, конечно, была белка, а не горностаи; так же точно и хозары, собирая дань „бѣлыми веверицами от дыма“, получали зимних белок, а не горностаев.¹

Некоторые комментаторы и переводчики Слова (Е. Барсов, Ап. Майков, Н. К. Гудзий, А. Югов и другие) в выражении „растѣкшется мысию по древу“ (ср. трижды „пѣсь“ вместо „пѣсны“) пытались видеть белку — мышь. И. Новиков,² вслед за Е. Барсовым, на том основании, что где-то в б. Псковской губернии словом „мысь“ (фонетически соответствующим слову мышь) называют иногда летягу — „летучую векшу“ (как пишет автор), — утверждает, что „мысь“ Слова и есть летяга (*Pteropus volans* L.). С этим толкованием нельзя согласиться. Не удивительно, что мало заметную и редкую в Псковской области летягу народ называет сборным именем „мышь“ или „мысь“ по местному произношению. Так и на Украине „мышами“ иногда называют тоже мало заметных ночных грызунов — сонь (*Muoxidae*), живущих, подобно летягам, на деревьях.

¹ Не соглашаюсь с трактовкой акад. Б. Д. Грековым „бели“ как „серебряной монеты“.

² Слово о полку Игореве. М., 1938, стр. 89.